

В. А. Чалый

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ
ОСНОВАНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ
ДЖОНА РОЛЗА¹

Представлен анализ антропологической модели теории справедливости Ролза, выявляющий ее сложный, комплексный характер: модель содержит попытку сообщить представлению о рациональном эгоисте *homo economicus*, позаимствованному у классиков утилитаризма, более глубокие философские основания, взятые из философии Канта (идея автономии, способности самодетерминации через моральный закон), а присутствующее в модели понятие «жизненного плана», в котором выражается рациональность интересов и действий человека и достаточный успех в реализации которого Ролз называет человеческим счастьем, отсылает его теорию к аристотелевской этике добродетели и к современному коммунитаризму.

The analysis of Rawls' anthropological model, underlying his theory of justice, reveals its complex basis: on one hand, it is an attempt to attach broader and deeper Kantian philosophical foundations to "rational egoist" of classical utilitarianism (idea of autonomy, ability of self-determination through moral law); on the other hand, the notion of "life plan", emphasizing rationality of human interests and actions and opening a possibility for happiness, connects Rawls' theory to Aristotle's virtue ethics and to contemporary communitarianism.

Ключевые слова: антропологическая модель, теория «справедливости как честности», рациональность, индивидуализм, «жизненный план», Ролз, Кант, Аристотель.

Key words: anthropological model, «justice as fairness», rationality, individualism, «life plan», Rawls, Kant, Aristotle.

Представления о человеке составляют основу политических теорий и являются глубинными основаниями для их расхождения. Достаточно часто представления эти сформулированы неявно, предполагаются как данность и в рамках самой теории не рассматриваются. Поэтому выявление и анализ антропологических пресуппозиций современных по-

литико-философских концепций — важный этап их изучения. Цель данной работы — анализ антропологических оснований теории «справедливости как честности» Джона Ролза.

В современной англоязычной философии сам термин «антропология» многозначен и нуждается в прояснении. Здесь существует два достаточно обособленных подхода к проблеме человека, которые можно назвать *этнологическим* и *нормативным*. Термином «антропология» именуется преимущественно этнологический подход, в то время как для более абстрактных рассуждений о человеке вообще, не исходящих из описания и анализа конкретных сообществ, используются наименования вроде «нормативная концепция человека» или старомодное «проблема человеческой ситуации» (см., напр., [6]).

Первое, что следует отметить: современные политические теории либерального эгалитаризма, либертарианства, коммунитаризма, мультикультурализма опираются на философский нормативный анализ проблемы человека и практически не привлекают антропологические концепции в первом смысле. Этот факт особенно примечателен в отношении мультикультурализма, который, исходя из определяющего значения культуры в формировании политической личности, в принципе мог бы опираться на антропологические исследования конкретных культур. Причины этого невнимания специально рассматриваются, например, в статье американского антрополога Теренса Тёрнера [11], который приходит к выводу, что мультикультурализм сосредоточен на политической борьбе за расширение прав и привилегий меньшинств и недостаточно озабочен разработкой собственных теоретических оснований; в частности, понятие «культура», центральное и для культурной антропологии, и для мультикультурализма, последним используется преимущественно полевически.

Таким образом, применительно к современным либеральным философским теориям, и в том числе к теории «справедливости как честности» Ролза, понятие «антропология» будет иметь смысл «нормативной концепции человека» и не будет иметь отношения к культурной антропологии. Это первое, что роднит ее с антропологией Канта, впервые противопоставившего теоретическую и прагматическую антропологии и определившего последнюю как «исследование того, что он [человек], как свободно действующее существо, делает или может и должен делать из себя сам» [2, т. 6, с. 350]. Понятие прагматической антропологии и ее значение для современных философских концепций человека активно обсуждается, в том числе на страницах «Кантовского сборника», и данная работа в этом отношении основывается на исследованиях Х. Клемме [5], Л. А. Калинникова [3; 4], В. В. Васильева [1] и других авторов.

В современной англоязычной политической философии до выхода в свет «Теории справедливости» Джона Ролза господствовал подход к проблеме человека, который Кант определил как «физиологический»: «исследование того, что делает из человека природа». Бихевиористская психология и эмотивистская этика составляли контекст политических исследований, в которых нормативную роль играл принцип консеквенциализма. Так, Уильям Росс, считая кантовский деонтологизм «упрощением моральной жизни» реального человека [10, р. 189], предлагал дополнить его представлением о многообразии мотивов поведения, включающих не только долг, но и психологические факторы. Росс, с одной стороны, формулирует

«смягченную» версию деонтологизма, привлекающую многих современных философов (Роберт Ауди, Филипп Страттон-Лейк и др.), с другой — его интуитивизм воспринимается критиками как концепция, лишенная внутренней связности (напр., [9, р. 41]). Человек в теории Росса, по мнению критиков, руководствуется и максимами, и представлениями об ожидаемых последствиях, и интуитивными представлениями о благе — и не имеет выятных критериев выбора между ними.

Другой нормативной доктриной, важной для англоязычной политической философии первой половины XX века, является юридический позитивизм Герберта Харта. Концепция человека, лежащая в его основе, связана с представлениями позднего Витгенштейна и исключает универсализм, предполагаемый прагматической антропологией: природа человека, его мир определяются границами, ландшафтом его языка, который уникален, постоянно меняется и который невозможно закрепить жесткими философскими принципами. Такая концепция, пытающаяся вывести принципы политико-правового устройства из конкретных языковых практик, неизбежно будет испытывать дефицит в своей предписательной функции: важные вопросы о том, каким следует быть человеку политическому, гражданину, на каких принципах должно основываться справедливое общество, останутся в ней без определенного ответа.

Необходимость определенности в основаниях политической философии стала одним из важнейших стимулов для разработки Ролзом теории «справедливости как честности». Не формулируя специально модель человека, Ролз, тем не менее, уделяет в «Теории справедливости» достаточно внимания разработке ее отдельных сторон. Фигуранты теории Ролза — это прежде всего «свободные и равноправные рациональные люди». Такая формулировка встречается в тексте регулярно, начиная с первых страниц предисловия к переработанному изданию, где Ролз называет описание прав и свобод таких индивидов «абсолютно первейшей задачей теории демократических институтов» [9, р. xii].

Второе фундаментальное свойство человеческой ситуации — наличие интересов, среди которых есть тождественные и конфликтующие: «Тождество существует, поскольку социальная кооперация делает для всех жизнь лучше по сравнению с той, когда каждый старался бы жить в одиночку за счет лишь собственных усилий. Существует и конфликт интересов, так как люди небезразличны к тому, как распределяются приросшие выгоды от их сотрудничества, потому что в преследовании собственных интересов они предпочитают взять больше и отдать меньше» [9, р. 109]. Так Ролз учитывает в своей теории возводимое к Аристотелю представление о политической природе человека.

Наиболее полно механика антропологической модели Ролза описана в третьей части «Теории справедливости», озаглавленной «Благо как рациональность». Ее открывает анализ контекстов, в которых употребляется понятие блага и который указывает на родство понятий блага и правильности. Это родство становится фундаментом для деонтологической линии в теории Ролза. Понятия правильности и неправильности используются нами прежде всего при оценке интересов [9, р. 348]. Правильными интересами будут те, которые согласуются с принятыми в обществе представлениями. Ролз, что неудивительно при обращении с базовыми понятиями, испытывает заметные сложности с определением правильности: общественные

представления о правильности регламентируются базовой ценностью справедливости, определяемой как честность, которая снова теряется в социальной психологии. Методология лингвистического анализа контекстов, определение смыслов базовых понятий путем сведения их к обыденным определяют принадлежность теории справедливости Ролза к аналитическому движению.

Можно отметить, что проводимый Ролзом анализ контекстов не ставит проблему выхода за рамки конкретной политической культуры — англосаксонского либерализма. И здесь открываются перспективы для дополнения философско-антропологического подхода этнологическим, рассматривающим многообразие политических культур и практик.

Особую роль в концепции Ролза играет понятие *рационального жизненного плана*, который позволяет человеку связать воедино свои разнонаправленные интересы и согласовать их с интересами других людей; и иметь такой план — благо. Ролз различает два вида блага: инструментальное, ведущее к исполнению правильно построенного жизненного плана, и благо как характеристика самого жизненного плана [9, р. 358]. Если определение инструментального блага как интересов и действий, ведущих к осуществлению рационального жизненного плана, сформулировано четко, то оценка самого жизненного плана как благого вновь основывается на лингвистическом анализе и опирается на социальную психологию. Примечательно, что для пояснения того, что же следует считать благим жизненным планом, Ролз привлекает этику добродетели Аристотеля: хороший план предполагает актуализацию благих природных задатков человека [9, р. 458 — 460]. Так кантианское деонтологическое обоснование теории справедливости дополняется классическим аристотелевским.

Вернемся к определению человека как «свободного и равноправного рационального индивида» и рассмотрим предлагаемое Ролзом определение рациональности. С одной стороны, оно имеет подчеркнuto инструментальный характер: рациональность проявляется в выборе средств, подходящих для осуществления интересов. Инструментальная рациональность — одна из основ договорной теории Ролза. Человек, рационально преследующий свои интересы, вынужден сотрудничать с другими людьми, и наиболее эффективным основанием для такого сотрудничества становится явно сформулированный свод правил, стихийно или сознательно принятый некоторым сообществом. Эта контрактарианская мысль вполне свойственна теории Ролза, однако свою теорию общественного договора он подкрепляет еще и кантианским представлением о договорных отношениях как единственной форме сотрудничества, закрепляющей достоинство каждой участвующей в нем личности.

С другой стороны, выбор жизненного плана также является, по Ролзу, предметом рациональной оценки: «жизненный план человека рационален, если и только если (1) он является одним из планов, не противоречащих принципам рационального выбора, когда они применяются ко всем существенным особенностям его ситуации, и (2) это тот план среди всех удовлетворяющих первому условию, который был бы выбран человеком с полной осмотрительной рациональностью, иначе говоря, с полным осознанием всех существенных фактов и после тщательного рассмотрения всех последствий» [9, р. 358 — 359]. Можно предположить, однако, что «все существенные особенности» человеческой ситуации едва ли могут быть оценены ра-

ционально, поскольку включают и бессознательные психологические установки, и иррациональные верования, и просто аспекты, выходящие за пределы известного конкретному человеку и людям вообще. Будучи примененным к предельным категориям теории Ролза, понятие рациональности теряет четкость, имевшуюся в инструментальном определении.

Свобода на протяжении всей «Теории справедливости» рассматривается почти исключительно как набор базовых свобод, и необходимость обеспечения граждан равной мерой этих свобод является первым принципом теории справедливости как честности. Исключение составляет параграф 40 «Кантианская интерпретация справедливости как честности», где Ролз поясняет, что свободу как таковую он рассматривает в терминах кантовской концепции личной автономии: «Кант считал, по моему мнению, что автономно человек действует лишь тогда, когда принципы его действий выбираются им как наиболее адекватное возможное выражение его природы свободного и рационального существа» [9, р. 222]. Ролз принимает и кантовское представление о свободе как детерминированности моральным законом: «поведение в соответствии с моральным законом проявляет нашу природу» [9, р. 224].

Обязанность проявлять свою природу «свободных и равноправных рациональных существ», по Ролзу, это не только наш долг — здесь он рассуждает деонтологически, — но и основа рационального = благого жизненного плана по осуществлению максимума своих природных задатков — и здесь он снова перебрасывает мост в классическую этику добродетели.

Точно такое же двойственное обоснование имеет в теории Ролза и характеристика равноправия. С одной стороны, равенство возможностей — это базовая пресуппозиция эгалитаризма Ролза. Цель его теории справедливости состоит в учреждении механизмов, компенсирующих незаслуженное неравенство, являющееся очевидным злом [9, р. 86]. С другой стороны, возвращаясь к теме равноправия с целью прояснения и обоснования этой пресуппозиции, Ролз привлекает и кантианские, и аристотелианские, и контрактарианские аргументы. С кантианских позиций реализация нашей природы как свободных и рациональных индивидов, подчиняющихся внутреннему моральному закону, требует признания других индивидов подобными, а следовательно, имеющими такие же права. С позиций аристотелевской этики добродетели и «аристотелевского принципа», сформулированного Ролзом, наш жизненный план будет тем полнее, сложнее и интереснее, а его осуществление тем успешнее, чем активнее и слаженнее в нем участвуют другие; максимальный же успех возможен тогда, когда в нем заинтересованы равные нам свободные и рациональные индивиды [9, р. 379]. Привлечение понятия выгоды добавляет этому рассуждению и ноту контрактариалистского рационального эгоизма.

Наконец, очерк антропологической модели теории справедливости Ролза не будет полным без рассмотрения важного для нее принципа индивидуализма. Само понятие индивида у Ролза связано с фундаментальной несоизмеримостью и элементарным характером личных интересов, из которых и возникает проблема справедливости [9, р. 5]. То есть его теория начинается там же, где утилитаристские теории Адама Смита, Бентама и их последователей, — с объяснения и выработки регламента экономических отношений. Вся риторика прав, свобод и интересов, с которой начинается «Теория справедливости», унаследована из традиции классического бри-

танского либерализма. И только когда в параграфе 40 Ролз формулирует кантианскую интерпретацию теории справедливости как честности, он привлекает кантовское понятие автономии. Его цель — найти более глубокие основания для понятий прав и свобод, чем имеющиеся в утилитаризме: «До сих пор я рассматривал *содержание* принципа равной свободы и значение определяемого им приоритета прав. На этом этапе представляется уместным отметить, что существует кантианская интерпретация концепции справедливости, из которой этот принцип *следует*. Эта интерпретация основывается на кантианском понятии автономии» [9, p. 221] (курсив мой. — В. Ч.).

Первое, что привлекает внимание Ролза в кантовском понятии индивидуальной автономии, — это постулат о рациональном выборе моральных принципов и способности согласовывать собственные принципы с чужими ради жизни в содружестве. Только в таком выборе, точнее в последовательности выборов, совершаемых публично, человек проявляет себя как рациональный и свободный индивид [9, p. 222]. Возможность преодоления природной детерминированности — не единственная привлекающая Ролза сторона кантовской теории. Он также полагается на нее в проблеме закрепления индивидуальных прав и свобод, преодолевая хорошо известные контринтуитивные следствия из утилитаристской доктрины, связанные с принесением в жертву индивида ради общего блага.

Таким образом, индивидуализм Ролза имеет двоякое происхождение: изначально он возникает как продолжение утилитаристской антропологии классического либерализма, но затем его основания углубляются при помощи кантианской интерпретации.

Индивидуализм, рационализированная и атомарная модель человека в теории Ролза вызвали поток критических замечаний, из которых выросло целое направление либерального коммунитаризма. Однако называть теорию Ролза сугубо индивидуалистской было бы неверно. Последняя глава его книги — «Благо справедливости» — содержит аргументы, раскрывающие фундаментальную роль общества в ролзовской концепции индивида. Так, параграф 79 «Идея общественного единения» посвящен проблеме социального единства людей, необходимого не только для реализации, но даже для формулировки частных жизненных планов. Ролз считает, что эта необходимость достаточно очевидна и требует лишь небольших пояснений. Пояснения эти Ролз дает, ссылаясь прежде всего на Аристотеля: человеческий жизненный план неизбежно включает реализацию лишь некоторых из возможностей, оставляя необозримое множество остальных для реализации другими людьми; возможности, актуализированные другими, современниками и предшественниками, составляют фон и основу для нашей деятельности, без которой она немыслима [9, p. 458—459]. Можно заметить, что в этой части теория Ролза сближается с коммунитаризмом и в определенной степени предвосхищает коммунитаристскую критику (в частности, Сандела и Макинтайра).

Проведенный анализ антропологической модели теории справедливости Ролза позволил выявить ее сложный, комплексный характер: с одной стороны, это попытка сообщить представлению о рациональном эгоисте *homo economicus*, позаимствованному у классиков утилитаризма, более глубокие философские основания, взятые в философии Канта (идея автономии, способности самодетерминации через моральный закон); с другой —

понятие «жизненного плана», в котором выражается рациональность интересов и действий человека и достаточный успех в реализации которого Ролз называет человеческим счастьем², отсылает его теорию к аристотелевской этике добродетели.

Список литературы

1. Васильев В.В. Неуловимая свобода: проблема этических оснований системы Канта // Философская этика и нравственное богословие : матер. конф. М., 2002. С. 166–187.
2. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Соч. : в 6 т. М., 1965. Т. 6. С. 351.
3. Калинин Л.А. О нравоцентричности трансцендентальной антропологии Канта, или О роли морали в природе человека. Ч. 1 // Кантовский сборник. 2010. №4 (34). С. 21–33.
4. Калинин Л.А. О нравоцентричности трансцендентальной антропологии Канта, или О роли морали в природе человека. Ч. 2 // Кантовский сборник. 2011. №1 (35). С. 37–44.
5. Клемме Х. Понятие антропологии в философии И. Канта // Кантовский сборник. 2010. №3 (33). С. 24–32.
6. Oliveira N. de. Rawls' Normative Conception of the Person // Veritas. 2007. №52 (1). P. 171–183.
7. Lewellen T. Political Anthropology: An Introduction. Praeger, 2003.
8. Easton D. Political Anthropology // Biennial Review of Anthropology. Vol. 1. Princeton U.P., 1959.
9. Rawls J. A Theory of Justice. Revised edition. Harvard, 1999.
10. Ross W.D. Foundations of Ethics. Oxford, 1939.
11. Turner T. Anthropology and Multiculturalism: What is Anthropology That Multiculturalism Should be Mindful of It? // Cultural Anthropology. 1993. Vol. 8, Is. 4. P. 411–429.
12. Zöller G. Kant's Political Anthropology // Kant Yearbook. De Gruyter, 2010.

Об авторе

Чалый Вадим Александрович — канд. филос. наук, заведующий кафедрой философии Балтийского федерального университета им. И. Канта, vadim.chaly@gmail.com

About author

Dr Vadim A. Chaly, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Immanuel Kant Baltic Federal University, vadim.chaly@gmail.com

---

² «Человек счастлив, когда его планы успешно воплощаются в жизнь, оправдываются его наиболее важные надежды и он уверен, что удача будет сопутствовать ему постоянно» [9, p. 359].